

РОССИЯ И ВОСТОК

УДК 327+94(520)

М. Н. Малашевская

РОССИЙСКО-ЯПОНСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ НА ВЫСШЕМ УРОВНЕ (1997–1998): НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

В представленной статье рассмотрена история переговоров между президентом России Б. Н. Ельцином и премьер-министрами Японии Хасимото Рютаро (в ходе «встреч без галстуков» 1997–1998 гг.) и Обути Кэйдзо (во время его официального визита в Москву в ноябре 1998 г.). В ходе этих переговоров стороны обменивались предложениями, нацеленными на решение территориального диспута между двумя странами и расширение двухстороннего взаимодействия в экономической, социальной и политической областях. Японская сторона руководствовалась новой концептуальной моделью вариантов решения территориального спора, заключавшейся в поэтапном решении данной проблемы, российские представители, со своей стороны, предлагали отойти от ведения территориальных переговоров и укреплять связи в самых разнообразных областях. Библиогр. 28 назв.

Ключевые слова: история российско-японских отношений, внешняя политика Японии, «встречи без галстуков», проблема принадлежности южной части Курильских островов.

HIGH-LEVEL RUSSIA-JAPAN NEGOTIATIONS IN 1997–1998: NEW TENDENCIES IN DEVELOPMENT OF BILATERAL RELATIONS

M. N. Malashevskaya

St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The article reviews the history of negotiations between the president of Russian Federation B. N. Eltsin and prime-ministers of Japan Hashimoto Ryutaro (during “no necktie meetings” 1997–1998) and Obuchi Keizo (during the official visit to Moscow in 1998 November). During these summits the officials of Russia and Japan exchanged proposals aimed at territorial dispute decision and at development of bilateral economic, social and political cooperation. In the course of meetings Japan acted according to new conceptual models of step-by-step decision of territorial issue, on the other hand, Russia considered stepping aside from the territorial negotiations and strengthening ties in various fields. Refs 28.

Keywords: the history of Russia-Japan relations, foreign policy of Japan, “no-necktie meetings”, territorial dispute on Kurile isles.

В настоящей статье рассмотрена история российско-японских переговоров на высшем уровне между президентом Российской Федерации и премьер-министрами Японии в конце 1990-х годов. В ноябре 1997 — апреле 1998 гг. прошли неформальные переговоры между Б. Н. Ельциным и Хасимото Рютаро, а в ноябре 1998 г. состоялся первый за 25 лет официальный визит главы японского правительства в Москву. На переговорах между президентом Российской Федерации Б. Н. Ельциным и премьер-министром Японии Обути Кэйдзо был подписан ряд документов, определивших направление развития российско-японских отношений в последующие годы. Кроме того, в Министерстве иностранных дел Японии, во многом благодаря работе ведущего на тот момент специалиста по России Сато Масару¹ и высокопоставленного дипломата, посвятившего свою жизнь развитию советско-японских и затем российско-японских отношений, Того Кадзухико², в течение десятилетия был разработан ряд новых внешнеполитических концепций в отношении Российской Федерации. Эти новые концепции активно применялись японской стороной в ходе двусторонних переговоров 1997–1998 гг., однако Японии не удалось добиться существенных результатов по интересующему ее территориальному вопросу (претензии относительно принадлежности четырех южных островов Курильского архипелага).

Проблема заключения мирного договора и территориального размежевания ставится японской дипломатией начиная с периода нормализации советско-японских отношений в 1955–1956 гг., когда под давлением государственного секретаря США Д. Ф. Даллеса³ зависимость от американской внешней политики Япония поставила вопрос о необходимости возвращения ей части занятых советской армией в конце Второй мировой войны островов. В центре внимания оказались четыре южных острова Курильского архипелага — Шикотан, Хабомаи, Кунашир и Итуруп. В «Совместной советско-японской декларации» 1956 г., нормализовавшей дипломатические отношения двух государств, советская сторона выступила инициатором передачи двух из перечисленных выше островов в качестве акта доброй воли, однако при условии подписания двухстороннего мирного договора. Именно в ходе советско-японских переговоров 1955–1956 гг. Министерством иностранных дел Японии были выработаны основные концептуальные подходы к развитию диалога с СССР. С одной стороны, на двухсторонние связи влиял принцип «отделения политики от экономики», что ярко продемонстрировано развитием советско-японских отноше-

¹ Сато Масару с конца 1980-х до середины 1990-х годов служил аналитиком в посольстве Японии в Москве, участник переговоров на высшем и высоком уровне между представителями обеих стран. Благодаря блестящему знанию русского языка и особенностей российской политической культуры смог к концу 1990-х годов стать одним из ведущих специалистов-аналитиков в МИД Японии. В годы работы в Москве завел обширные связи в среде политиков, общественных деятелей СССР и затем РФ. Благодаря знанию тонкостей политических разногласий в республиках СССР получил прозвище «Распутин МИДа» [1, с. 165–166].

² В конце 1980 — начале 2000-х годов занимал должности начальника отдела СССР Евразийского департамента МИД Японии (1988–1992), советника-посланника посольства Японии в Москве (1994–1996), заместителя министра иностранных дел Японии (1997–1998), директора Европейского департамента МИД Японии (1999–2001).

³ В ходе ведения переговоров в Лондоне в июне 1955 — марте 1956 г. министр иностранных дел Японии Сигэмицу Мамору постоянно вел консультации с представителями Государственного Департамента США, так как внешняя политика Японии находилась в прямой зависимости от позиции США, на тот момент оккупировавших острова Рюкю. Так называемая угроза Даллеса, связанная с оккупацией этих территорий американскими войсками, вынуждала японских дипломатов стоять на позициях территориальных притязаний к СССР [2, с. 143–144].

ний последующих двух десятилетий, с другой стороны, возникла концепция «единовременной передачи четырех островов» Японии (四島一括返還論, ёто: иккацу хэнканрон), т. е. японское правительство начало предъявлять территориальные претензии к Советскому Союзу после окончания Второй мировой войны. Данный подход оставался фактически единственным вплоть до середины 1980-х годов, когда со сменой политической и экономической парадигмы в СССР в период «Перестройки» интенсифицировались политические связи с Японией. Инициатором «размораживания» политического диалога выступала советская сторона. Японский МИД ответил на эти тенденции формированием нового курса в отношении СССР: подход, получивший название «расширяющийся баланс» (拡大均衡, какудай кинко:) [3, с. 363], был предложен министром иностранных дел Японии Уно Сосукэ весной 1989 г. в ходе официального визита в Москву. Во время встречи с М. С. Горбачевым министр иностранных дел Японии представил пять основных принципов концепции «расширяющегося баланса»: 1) заключение мирного договора; 2) укрепление отношений, основанных на взаимном доверии; 3) развитие деловых контактов; 4) укрепление межличностных связей; 5) подготовка визита М. С. Горбачева в Японию [4, с. 127]. Первые четыре пункта легли в основу внешней политики в отношении Российской Федерации, проводившейся вплоть до 1996 г., когда Министерством иностранных дел Японии была выработана новая концепция в отношении России — «многоуровневый подход» (重層のアプローチ, дзю:дзо:тэки-на апу:ро:ти), направленный на развитие многосторонних и разносторонних связей между Россией и Японией.

Более того, в МИД Японии возникла концепция возможности ведения переговоров о поэтапной «передаче» Японии четырех южных островов Курильского архипелага, в противовес доказавшей свою неэффективность устоявшейся послевоенной концепции требования единовременной передачи территорий. В конце 1980-х годов новое поколение японских дипломатов и специалистов Министерства иностранных дел Японии стало продвигать более эффективную, с их точки зрения, концепцию ведения переговоров между СССР и Японией о поэтапном решении этих вопросов — в общем, эта концепция получила название «концепция поэтапного возвращения [островов]» (段階的返還論, дандэнтэки хэнканрон). Сразу после распада СССР в конце 1991 г. в японском парламенте активно обсуждался вопрос о возможных вариантах развития внутривосточной ситуации в России и эффективности применения новой концепции поэтапного разрешения территориального вопроса. На основе таких взглядов в начале 1990-х годов произошло сближение парламентария Судзуки Мунэо⁴, специалиста МИД Сато Масару, а несколько позднее высокопоставленного дипломата Того Кадзухико и некоторых других политиков и дипломатов, которые впоследствии вошли в «группу Судзуки», работа которой была направлена на развитие территориальных переговоров с Россией.

В «концепции поэтапного возвращения [островов]» можно выделить несколько основных идей, или вариантов решения пограничного диспута. Варианты этой концепции базировались на положениях «Совместной советско-японской декларации», признания юридической силы которой добивались японские политики и диплома-

⁴ Депутат Нижней палаты Парламента Японии, член ЛДПЯ, избранный по пятому округу острова Хоккайдо; директор агентства по развитию Хоккайдо и министр департамента по вопросам развития Окинавы (при втором кабинете Хасимото Рютаро); генеральный секретарь кабинета министров Японии (при премьер-министре Обути Кэйдзо).

ты в ходе российско-японских переговоров последнего десятилетия XX в. В целом идея поэтапного решения территориальной проблемы заключалась в «передаче сначала двух островов» (二島先行返還論, нито: сэнко: хэнканрон) [5, с. 296]. Японский МИД видел несколько возможных вариантов развития событий, например, требование «передачи островов Хабомаи и Шикотан» и «продолжение переговоров по Итурупу и Кунаширу» (「齒舞・色丹の引き渡し」「国後・択捉についての議論」, «Хабомаи, Сикотан но хикиватаси — Кунасири, Эторофу-ни цуйтэ гирон») [4, с. 325]; считалась также возможной схема, получившая название «возвращение двух островов плюс альфа» (二島+アルファ, нито: +аруфа или 二島プラスα, нито: пурасу α), где под двумя островами понимаются острова Хабомаи и Шикотан, а под альфой — Кунашир и Итуруп [6, с. 101], или «нетерриториальные выгоды, которые Россия может предложить Японии “в обмен” на принятие компромиссного варианта» [7, с. 21]. Японская сторона на протяжении 1990-х годов неуклонно требовала признания юридической силы Совместной декларации 1956 г. с целью продвижения и навязывания концепции постепенного решения территориального спора. Необходимо отметить, что новая концепция не получила единогласного одобрения японских политиков, многие продолжали придерживаться традиционного подхода, заключавшегося в притязаниях на единовременное возвращение четырех островов. Однако группа дипломатов, специалистов МИД и политиков, сплотившаяся вокруг влиятельного парламентария Судзуки Мунэо, которого называли «теневым министром иностранных дел» [8, с. 197], до конца 2001 г. успешно продвигала эту идею. Более того, влияние «группы Судзуки» на формирование внешней политики Японии в отношении России было настолько велико, что подготовкой премьер-министра Японии Хасимото Рютаро перед началом первой «встречи без галстуков» занимались Судзуки Мунэо, Сато Масару и Того Кадзухико. В октябре 1997 г. для премьер-министра Хасимото Рютаро была организована «лекция» о том, как наладить тесный личный контакт с президентом России [1, с. 180]. Судзуки Мунэо и его сторонники под тесным контактом понимали установление неформальных доверительных отношений, посредством которых возможно добиться от российского лидера удовлетворения японских территориальных претензий. Любопытно, что времяпрепровождение в сауне вместе с Б. Н. Ельциным и правильное поведение японского премьера они рассматривали как возможность поговорить «с глазу на глаз» и добиться желаемого результата [1, с. 180–181]. Идея укрепления именно доверительных связей, как на межгосударственном уровне, так и в межличностном общении, подчеркивалась тремя основными деятелями «группы Судзуки», а Того Кадзухико включил ее в предложенную в 1995 г. концепцию «взвешенного диалога» [9]. В то время он служил в посольстве Японии в Москве в должности советника-посланника посольства и часто выступал перед российскими журналистами и представителями общественности, продвигая идею развития доверительных связей между россиянами и японцами. Вера в эффективность такого подхода перед началом неформальных переговоров между Хасимото Рютаро и Б. Н. Ельциным повлекла за собой рост ожиданий, связанных с благоприятными для Японии результатами этих переговоров.

На встречах «без галстуков» в Красноярске (2–3 ноября 1997 г.) и Каване (18–19 апреля 1998 г.) были затронуты ключевые проблемы двухсторонних отношений. Российский президент в таком же формате встречался с канцлером Германии Гельмутом Коелем и президентом Франции Жаком Шираком (26 марта 1998 г.). Однако

если с лидерами Германии и Франции Б. Н. Ельцин обсуждал вопрос расширения участия России в европейских делах (концепция «большой Европы»), то с премьер-министром Японии Хасимото Рютаро — в первую очередь вопрос территориального размежевания.

Первая «встреча без галстуков» между российским президентом и японским премьер-министром состоялась 2–3 ноября 1997 г. в Красноярске. То, что саммит проходил в формате закрытых дверей, вызвало большой общественный резонанс в России. Неожиданное для японской стороны предложение Б. Н. Ельцина решить имеющийся круг проблем до окончания его президентского срока, т. е. до конца 2000 г., в России было встречено в целом отрицательно [10, с. 203], а в Японии скептически. Российские общественные деятели и ученые посчитали данное заявление проявлением безосновательного волюнтаризма [8, с. 57]. Более того, некоторые российские исследователи полагают, что российский президент безосновательно убедил японскую общественность в том, что южные Курилы перейдут под суверенитет Японии до конца 2000 г., однако «только уход с поста президента России до этого срока избавил его от необходимости выполнения выданных обещаний, не зафиксированных, к счастью, в каких-либо официальных документах» [11, с. 14].

Однако у встречи был и другой итог, принесший более ощутимые плоды: «План Ельцина — Хасимото», предполагавший широкомасштабное взаимодействие в финансово-экономической, энергетической, атомной, космической областях. Японский премьер, воодушевленный предложением российского президента, внес предложение принять Россию в АТЭС с 1998 г. и выдвинул инициативу о выделении России несвязных инвестиций в размере 1,5 млрд долл. в начале 1998 г. [12, с. 254; 13].

Несмотря на то что в ноябре 1997 г. предложение российской стороны не было официально зафиксировано на бумаге, японский МИД, в отличие от прессы, отнесся к нему со всей серьезностью. На ответной «встрече без галстуков», состоявшейся 18–19 апреля 1998 г. в курортном городе Каване, японский премьер-министр выдвинул ответное предложение, которое представляло собой новый вариант территориального размежевания между Российской Федерацией и Японией, отличавшийся от «концепции поэтапной передачи» и «концепции единовременного возвращения четырех островов». Токио выдвинул инициативу, связанную с демаркацией границ (т. е. отход от концепта «передачи-возвращения» островов) между Россией и Японией: проведение государственной границы между Итурупом и Урупом. Эта инициатива получила название «План определения границ» Хасимото (официальный 国境画提案 «коккё:-какутэй-ан» и более образный вариант 国境線は四島の北方に «коккё: сэн ва ёто: но хоппо: ни», т. е. «линия государственной границы севернее четырех островов»). В основе этого предложения лежит первый российско-японский договор о границах — Симодский трактат (1855), который был аннулирован Петербургским договором 1875 г., но до сих пор активно используется японской стороной для подкрепления своих прав на южные острова Курильского архипелага, на которые претендует Япония [по этой теме см.: 14, 15]. Кроме того, японская сторона допускала возможность сохранения российской администрации на переданных островах, которые после проведения новой государственной границы могли юридически принадлежать Японии, но фактически управляться Россией [16, с. 133]. Один из основных участников «группы Судзуки» потомственный дипломат К. Того полагает, что это было самое значительно предложение Японии, сделанное после заключения

декларации 1956 г. [12, с. 255]. Однако, несмотря на то что обе стороны в ходе неформальных встреч 1997–1998 гг. сделали очень смелые предложения, в письменной форме это не было зафиксировано: «Ни после первой “встречи без галстуков” в Красноярске, ни после второй такой же встречи... в России не было опубликовано никаких официальных сообщений о содержании тех доверительных бесед с глазу на глаз, которые велись Ельциным и Хасимото на этих встречах» [8, с. 57]. Тем не менее, еще до окончания встречи в Каване в японской прессе появились сообщения о «Плане определения границ» премьер-министра Хасимото Рютаро, который был воспринят как попытка, которая не могла увенчаться успехом.

С другой стороны, перед запланированной официальной российско-японской встречей на высшем уровне в конце октября 1998 г. японская газета «Асахи» и российское информационное агентство ИТАР-ТАСС провели совместный социологический опрос, касавшийся территориального размежевания между двумя странами. Опрос показал, что в Японии 35% респондентов поддерживают концепцию «передачи двух островов» («возвращение Хабомаи и Шикотана»), 28 — выступают за традиционный подход — «единовременная передача четырех островов», а предложение Хасимото Рютаро о демаркации границ по линии 1855 г. (т. е. в соответствии с «Трактатом о торговле и границах», подписанном в Симода, по которому государственная граница проходила между Урупом и Итурупом) поддерживают 44% опрошенных. В России, в свою очередь, 55% опрошенных выступали против любого варианта «передачи» островов [17]. Японская пресса пыталась спрогнозировать результаты предстоявшего в ноябре 1998 г. официального визита премьер-министра Японии Обути Кэйдзо в Москву. Судя по результатам опроса, японская сторона могла ожидать того, что российский президент ответит отказом на предложение Хасимото Рютаро о демаркации границ.

12–13 ноября 1998 г. состоялся первый после визита премьер-министра Танаки Какуэя в СССР в 1973 г. официальный визит главы японского правительства в Россию. По итогам переговоров была подписана «Московская декларация об установлении созидательного партнерства между Российской Федерацией и Японией» [18], где были официально прописаны некоторые из положений, которые обсуждались на встречах «без галстуков» в Красноярске и Каване. Во-первых, лидеры обеих стран подтвердили стремление решить вопрос мирного договора до конца 2000 г.; во-вторых, «российская сторона передала ответ на предложение японской стороны по решению вопроса о принадлежности островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи, сделанное в ходе встречи на высшем уровне в Каване в апреле с.г.» [18, с. 15]; в-третьих, был подтвержден «План Ельцина — Хасимото», который стал базой развития многосторонних связей между двумя странами в разных областях.

Японскую общественность, в первую очередь, беспокоил вопрос о территориальном размежевании. Российская сторона отказалась принять предложение Хасимото Рютаро, «поскольку оно не будет признано российской общественностью и парламентом» [19, с. 93], поэтому новое предложение российского президента продолжить переговоры о заключении двух договоров (Договора о мире, дружбе и сотрудничестве и Договора о демаркации границ) было воспринято японской прессой скептически, так как перспективы решения этих проблем до конца 2000 г. стали казаться японской общественности неосуществимыми [20]. В то же время в России создание подкомиссии по пограничному размежеванию в рамках Совместной российско-японской комиссии по вопросам заключения мирного договора было вос-

принято негативно, так как расценивалось как очередная уступка Японии [21], хотя реальных действий в этом направлении со стороны России не последовало. Вероятно, создание такой сложной структуры было призвано «похоронить» идею о территориальном размежевании в многочисленных обсуждениях и согласованиях в ходе работы комиссии и подкомиссии.

В целом переговоры в Красноярске, Каване и Москве 1997–1998 гг. можно рассматривать как три этапа общего комплекса переговоров, в основе которых лежало обсуждение пограничного спора. Несмотря на то что основная цель переговоров, а именно разрешение территориального спора, достигнута не была, представителям государств удалось достичь общего понимания необходимости развития всесторонних отношений между Россией и Японией. Японская общественность и политические круги восприняли предложения российского президента в Красноярске с большими надеждами, полагая, что «главы двух стран добились понимания относительно четырех северных островов, взяв за основу переговоров Токийскую декларацию, и будут стремиться заключить мирный договор до конца 2000 г.» [22]. Поэтому инициатива Москвы была воспринята с большим энтузиазмом, и в ходе второго раунда переговоров в Каване Япония выдвинула ответное предложение по территориальному размежеванию, о котором мы подробно писали выше. Известный японский историк, специалист по истории российско-японских отношений Вада Харуки считает, что, несмотря на то что российский президент выразил заинтересованность в японском предложении, в действительности такой заинтересованности не было, но, тем не менее, главам двух стран удалось наладить доверительные отношения [3, с. 371]. Японские политики стремились официально зафиксировать договоренности, принятые в ходе неформальных встреч, что было осуществлено во время переговоров в Москве 12–13 ноября 1998 г., проходивших в атмосфере «от доверия к общему пониманию». Однако уже на следующий день после переговоров в японской прессе выражались сомнения относительно того, что «эпоха взаимопонимания» будет в скором времени достигнута [23]. Кроме того, состояние здоровья российского президента вызывало опасения в Японии: японская печать видела в этом возможные причины нивелирования результатов переговоров [23; 5, с. 239].

По мнению участвовавшего в подготовке российско-японских переговоров 1997–1998 гг. Того Кадзухико, японский МИД не принял предложения России о заключении сначала договора о мире, дружбе и сотрудничестве и затем договора о демаркации границ, потому что считал такой план опасным — Россия, заключив мирный договор, могла отказаться заключать договор о границах [4, с. 267]. Кроме того, «японский премьер и российский президент смогли быстро договориться только на словах» [4, с. 268], но детально согласовать позиции и добиться одобрения общественности не удалось. Причиной последовавшего в 1999 г. замораживания переговоров по территориям бывший японский дипломат увидел во внутривнутриполитических и экономических изменениях в России, кроме того, он утверждает, что «Обути не проявлял намерения продолжать переговоры по российскому предложению в Москве, а Ельцин потерял интерес к каванскому предложению Японии» [24, с. 98].

В России официальные и неофициальные переговоры между лидерами России и Японии были встречены по-разному. Мы уже писали выше, что российское общественное мнение и политические круги негативно восприняли как предложение российского президента в Красноярске «заключить мирный договор до конца 2000 г.»,

так и ответное предложение японского премьер-министра относительно демаркации границ «севернее четырех островов». Например, бывший посол Российской Федерации в Японии А. Н. Панов в статье 1999 г. высказался достаточно тактично относительно итогов переговоров в Москве в 1998 г., сказав, что они имели «историческое значение», «достигнута договоренность сохранять проявившуюся за последнее время динамику российско-японских связей и расширять их по всем направлениям» [25, с. 16]. Более того, он отмечает, что «обе стороны стали проявлять более гибкий, реалистический подход, демонстрировать уважение к позициям партнеров» [25, с. 16], что, видимо, может свидетельствовать о том, что участники переговоров стали более взвешенно подходить к переговорному процессу. В то же время в российских исследованиях отмечается то обстоятельство, что на пороге XXI в. между сторонами сохранялись взаимные опасения: «Японская сторона продолжает опасаться, что России, кроме японской экономической помощи и инвестиций ничего не нужно. В свою очередь, российская сторона укрепляется в своих опасениях, что Японии от России ничего не нужно кроме “северных территорий”» [26, с. 25]. Эта оценка вполне справедлива, если учитывать воззрения первого президента России, считавшего, что решение проблемы мирного договора откроет двери для японских инвестиций в экономику Сибири и Дальнего Востока и послужит началом «экономического возрождения России уже не с запада, а с востока» [27]. Здесь имеется в виду, что Б. Н. Ельцин ожидал увеличения темпов инвестирования в развитие инфраструктуры и промышленности Дальнего Востока России со стороны Японии, а не только со стороны западных стран. Довольно часто в научных работах, публицистике и заявлениях официальных лиц подобные идеи первого российского президента и предложения японской стороны на переговорах 1990-х годов оцениваются с резко критических позиций. Известный исследователь А. А. Кошкин считает, что Б. Н. Ельцин и «его команда... намеревались превратить Курильские острова в предмет торга с Японией» [28, с. 370]. Предложения президента России, сделанные в ходе встречи в Красноярске в 1997 г. (подписать мирный договор и решить территориальную проблему до конца 2000 г.) и во время визита Кэйдзо Обути в Москву в ноябре 1998 г. (подписание двух параллельных договоров), характеризуются этим исследователем как «экспромты» президента Ельцина, которые японская сторона «не воспринимает всерьез» [28, с. 372–373]. С другой стороны, японская пресса, политики и ученые относились к заявлениям российской стороны с недоверием. Большие ожидания Хасимото Рютаро от «встреч без галстуков» откровенно высмеивались и даже стали сюжетом карикатур. В номере ежедневной газеты «Асахи» от 3 ноября 1997 г. опубликована работа карикатуриста Ямада Син, называемая «Я уже вижу вершину. Но вот пути не видно» [22], где изображен премьер-министр Хасимото, карабкающийся на вершину скалы, которой является голова Ельцина, с подписью в точке назначения «Мыс Северных территорий».

Несмотря на тот факт, что реального прогресса в территориальных переговорах в 1997–1998 гг. не наблюдалось и мирный договор не был заключен, нельзя не отметить, что МИД Японии и премьер-министры Хасимото Рютаро и Обути Кэйдзо подошли к разработке новой концепции ведения и содержания переговоров основательно. Еще до начала переговоров 1997–1998 гг. была сформирована концептуальная база, заключавшаяся в применении идеи «поэтапной передачи островов» в противовес традиционному подходу о «единовременном возвращении четырех островов Японии». В 1996 г. была выработана концепция «многоуровневого подхода», призванная

направить развитие диалога на укрепление тесных связей в разнообразных областях. Более того, в достаточно короткий срок, т.е. между первой и второй «встречами без галстуков», было сформировано принципиально новое предложение, заключавшееся в проведении государственной границы севернее острова Итуруп («План определения границ» Хасимото), вызвавшее много дискуссий в японском обществе и в итоге не принятое российской стороной. Японские дипломаты и политики, причастные к формированию внешнеполитического курса в отношении России, видели в проявленном российской стороной интересе к территориальным переговорам с Японией открывшуюся возможность и стремились адекватно ответить на этот вызов. Комплекс переговоров на высшем уровне 1997–1998 гг. можно оценивать с точки зрения создания базы для широкого взаимодействия между двумя странами в будущем. Этот момент выделен в Голубой книге Министерства иностранных дел Японии, где отмечен прогресс в экономической, политической, образовательной, гуманитарной и военно-стратегической областях, что способствует «развитию двухсторонних связей от эры “согласия” к укреплению “доверия” на пороге XXI века» [13]. Однако японская дипломатия в основном была сконцентрирована на разработке планов и проектов по удовлетворению территориальных претензий, что существенно сужало поле развития тесных контактов между двумя странами. Японские дипломаты и политики в ходе неформальных переговоров 1997–1998 гг. и официального визита Обути Кэйдзо в Москву в 1998 г. на первое место ставили именно разрешение территориальных притязаний, предлагая решение этой проблемы в качестве условия развития политического и экономического взаимодействия между Россией и Японией. Однако российская сторона не была удовлетворена подобной постановкой вопроса, стремясь к развитию в первую очередь совместных экономических проектов на российском Дальнем Востоке. Кроме того, российская общественность серьезно критиковала открытость президента России Ельцина к поиску компромисса в территориальном споре, воспринимая подобные тенденции в качестве «сделки» с японским правительством [28, с. 375; 10, с. 161; 19, с. 93]. Таким образом, сторонам не удалось серьезно продвинуться в решении самого спорного вопроса, однако в ходе переговоров в Москве в ноябре 1998 г. была подписана «Московская декларация о созидательном партнерстве», заложившая основы более тесного взаимодействия в начале следующего столетия.

Литература

1. Suzuki Muneo. Omei. Kokka ni jinsei wo ubawareta otoko no kokuhaku [Признание человека, которому государство разрушило жизнь]. Tokyo: Kodansha, 2009. 316 p.
2. Тихвинский С. Л. Избранные произведения: в 5 кн. / Отд-ние ист.-филол. науки РАН; Ин-т Дал. Вост. Отд-ния общ. наук РАН. М.: Наука, 2006. 561 с.
3. Wada Haruki. Ноппо:ryo:do mondai. Rekishi to mirai. [Проблема оккупированных северных территорий. История и будущее]. Tokyo: Asahisensho, 1999. 398 h.
4. Togo Kazuhiko. Ноппо:ryo:do ko:sho: hiroku. Ushinawareta godo no kikai. [Секретные переговоры по вопросу Северных территорий. Пять упущенных возможностей]. Tokyo: Shinchosha, 2007. 430 p.
5. Sato Kazuo, Komaki Akiyoshi. Nichiro: shuno: ko:sho:. [Российско-японские переговоры на высшем уровне]. Tokyo: Iwanami shoten, 2003. 366 p.
6. Togo Kazuhiko. Rekishi to gaiko: — Yasukuni, Azia, To:kyo: saiban [История и дипломатия: Ясукуни, Азия и Токийский трибунал]. Tokyo: Kodansha gendaishinsho, 2008. 328 p.
7. Тренин Д., Михеев В. Россия и Япония как ресурс взаимного развития: взгляд из XXI в. на проблему XX в. М.: Московский центр Карнеги, 2005. 28 с.
8. Латышев И. А. Путин и Япония. Будут ли уступки? 2000–2005. М.: Эксмо; Алгоритм, 2005. 416 с.

9. *Togo Kazuhiko*. Японо-российские отношения: прошлое и перспективы / пер. с яп. Г. В. Куликова. Токио: 2000. 72 с. // Электронная библиотека Дальневосточного клуба. URL: http://elib.clubdv.ru/index.php?option=com_sobi2&sobi2Task=sobi2Details&sobi2Id=139 (дата обращения: 10.01.2012).

10. Русские Курилы: история и современность. Сборник документов по истории формирования русско-японской и советско-японской границы / авт.-сост. В. К. Зиланов, А. А. Кошкин, И. А. Латышев, А. Ю. Плотноков, И. А. Сенченко. 2-е изд., расшир. и доп. М.: Алгоритм, 2002. 256 с.

11. *Елизарьев В. Н.* Подлинная история Курильских островов и Сахалина XVII–XX вв. М.: Алгоритм, 2007. 752 с.

12. *Togo Kazuhiko*. Japan's Foreign Policy 1945–2003: The Quest for a Proactive Policy. Leiden, Boston: BRILL, 2005. 484 p.

13. Diplomatic Bluebook 1999. Chapter I. Japan-Russia relations // Сайт Министерства иностранных дел Японии. URL: <http://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/1999/I-c.html2> (дата обращения: 03.02.2014).

14. *Климов В. Ю.* Первое японское посольство в Россию (1862 г.) // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2010. Вып. 1. С. 3–16.

15. *Строева М. В.* Россия и Япония: Санкт-Петербургский договор 1875 г. // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2010. Вып. 3. С. 25–35.

16. *Togo Kazuhiko*. The inside story of the negotiations on the Northern Territories: five lost windows of opportunity // Japan Forum. Vol. 23, is. 1. Oxford, 2011. P. 123–145.

17. Норпо:ryo:do — nichiro kyo:do: seron cho:sa // Asahi shimbun nikkan [Оккупированные северные территории: совместный опрос общественного мнения в Японии и России // Ежедневная газета Асахи]. 31.10.1998.

18. Московская декларация об установлении созидательного партнерства между Российской Федерацией и Японией // Новое издание совместного сборника документов по истории территориального размежевания между Россией и Японией. — МИД Российской Федерации, МИД Японии — 16 янв. 2001. С. 14–20.

19. *Иванов А. В.* Российско-японские отношения: вчера, сегодня, завтра // Япония в Восточной Азии: внутреннее и внешнее измерения. Сб. статей / Ин-т междунар. исслед. М.: МГИМО — Университет, 2009. С. 73–139

20. *Sato Kazuo*. Ishinkaketa nichiroshuno:. Kokkyo: kyo:gi. Roshia shidai // Asahi shimbun nikkan [Лидеры России и Японии сохранили достоинство. Консультации по поводу государственной границы. Ответ за Россией // Ежедневная газета Асахи]. 13.11.1998.

21. Ryo:dohenkan no michisudzi futomei // Asahi shimbun nikkan [Возможные пути передачи территорий неясны // Ежедневная газета Асахи]. 14.11.1998.

22. *Ozawa Hideyuki, O:no Masami*. Nisennen madeni nichiro heiwa jyo:yaku. To:kyo:sengen ni motodzuki teiketsu he zenryoku // Asahi shimbun nikkan [ЗаклЮчить мирный российско-японский мирный договор к 2000 г. Приложим все силы к заключению договора на основе Токийской декларации // Ежедневная газета Асахи]. 03.11.1997.

23. *Tatami Tadayuki*. Nichiro kankei: go:ri no jidai nao tanan // Yomiuri shimbun [Российско-японские отношения: «эпоха сотрудничества» сталкивается с многочисленными сложностями // Газета Ёмиури]. 14.11.1998.

24. Japanese strategic thought toward Asia / ed. by Gilbert Rozman, Kazuhiko Togo, Joseph P. Ferguson. N. Y.: Macmillan Palgrave, 2007. 280 p.

25. *Панов А. Н.* Визит в Москву премьер-министра Японии К. Обути и перспективы развития российско-японских отношений // Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 1. С. 16–21.

26. *Павлятенко В. Н., Шлындов А. В.* Российско-японские отношения: некоторые итоги и перспективы на старте XXI столетия // Проблемы Дальнего Востока. 2000. № 4. С. 3–28.

27. *Ельцин Б. Н.* Президентский марафон. Размышления, воспоминания, впечатления // Библиотека Максима Мошкова. URL: <http://www.lib.ru/MEMUARY/ELCIN/marafon.txt> (дата обращения: 14.07.2013).

28. *Кошкин А.* Россия и Япония. Узлы противоречий. М.: Вече, 2010. 480 с.

Статья поступила в редакцию 30 июля 2014 г.

Контактная информация

Малашевская Мария Николаевна — аспирант; malashevskaya@gmail.com

Malashevskaya Maria N. — Post graduate student; malashevskaya@gmail.com